

ПЕРЕВОД В КОНТЕКСТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА

<https://doi.org/10.24412/2181-1784-2022-28-245-255>

Татьяна ХРАМЧЕНКО,

Белорусский государственный университет

г. Минск, Беларусь

Тел: +375 29 2506062;

hramchenkot@mail.ru

Аннотация. *О взаимосвязи языка, мышления и культуры говорят многочисленные исследования филологов, культурологов, психологов, социологов и философов. Посредством языка культура воздействует на мировосприятие человека. Диалог культур подразумевает знакомство, адаптацию и принятие другой культуры. Знание языка является ключом к пониманию другой культуры, таким образом перевод содействует обмену культурными ценностями.*

Ключевые слова: *языковая картина мира, перевод, межкультурная коммуникация.*

Annotatsiya. *Mazkur maqolada muallif tomonidan til, fikrlash va madaniyatning o'zaro bog'liqligi filologlar, madaniyatshunoslar, psixologlar, sotsiologlar va faylasuflarning ko'plab tadqiqotlari bilan tasdiqlanadi degan fikr xulosa qilingan. Til orqali madaniyat insonning dunyoqarashiga ta'sir qiladi. Madaniyatlar muloqoti boshqa madaniyatni tanishtirish, moslashtirish va qabul qilishni o'z ichiga oladi. Tilni bilish boshqa madaniyatni tushunishning kalitidir, shuning uchun tarjima madaniy qadriyatlar almashinuviga yordam beradi.*

Kalit so'zlar: *dunyoning lingvistik tasviri, tarjimasi, madaniyatlararo aloqa.*

Abstract: *There are many studies by philologists, cultural studies, psychologists, sociologists, and philosophers about the relationship between language, mentality, and culture. Through language, culture influences a human's perception of the world. The dialogue of cultures implies acquaintance, adaptation and acceptance of another culture. Knowledge of language is a key for understanding another culture, thus interpretation promotes the exchange of cultural values.*

Key words: *language picture of the world, translation, intercultural communication.*

С незапамятных времен перевод является одним из самых древних видов речевой коммуникации, средством межъязыкового общения людей – как между разными государствами, так и среди многонациональных народов одной страны. И хотя в теории перевода

существует немало разных дефиниций, едва ли возможно дать переводу точное и универсальное определение. На протяжении веков это понятие постоянно изменялось и прирастало смыслами, и сегодня перевод предстает как многостороннее явление, которое является объектом изучения разных научных дисциплин и исследователей в каждой области: лингвистики (Я. И. Рецкер; Л. С. Бархударов, В. С. Виноградов, А. В. Федоров, А. Д. Швейцер, В. Н. Комиссаров, Ж. Мунэн, Р. Якобсон и др.), литературоведения (И. А. Кашкин, Н. К. Гарбовский, Р. К. Миньяр-Белоручев, М. Л. Гаспаров, Е. Г. Эткинд и др.), культурологии, социологии, философии, психолингвистики и этнопсихологии (В. И. Хайруллин, Б. В. Беляев, Е. М. Верещагин, А. Ф. Ширяев, И. А. Зимняя, И. В. Карпов, А. А. Леонтьев, Л. Виссон и др.).

В процессе перевода взаимодействуют не только языки, но и культуры, которые могут отличаться национальной спецификой. Как метко заметил один американский бизнесмен, «иностранным языком можно овладеть. Спотыкаешься всегда о культуру» [1, с. 2]. Упоминая об общении между представителями различных культур, мы подразумеваем межкультурную коммуникацию, или говорим о диалоге культур. Межкультурный диалог, по мнению В. В. Миронова, «это познание иной культуры через свою, а своей через другую путем культурной интерпретации и адаптации этих культур друг к другу в условиях смыслового несовпадения большей части обеих. Главным средством этого выступает язык, знание которого является важнейшей предпосылкой понимания другой культуры» [2, с. 150].

Таким образом, перевод не просто облегчает взаимодействие людей друг с другом, но и содействует обмену культурными ценностями, которые включают в себя, среди прочего, языки и диалекты, национальные обычаи и традиции, нормы и образцы поведения.

Важным звеном в цепи межкультурной коммуникации является переводчик, цель которого максимально точно передать людям другой языковой культуры все своеобразие оригинала. Перед переводчиком стоит сложная задача. С одной стороны, «переводчику важно владеть в совершенстве своим языком, – пожалуй, важнее, чем

языком, с которого он переводит. Ибо сказанное на чужом языке надо понять и почувствовать, а на своем – еще и выразить, творчески воплотить, что подчас несравнимо труднее» [3, с. 227]. С другой стороны, без фоновых знаний другой культуры (историко-культурного, социокультурного, этнокультурного, семиотического фона) только лишь владения иностранным языком будет недостаточно.

Перефразируя Н. К. Гарбовского, можно отметить, что переводчик должен быть мастером слова, всесторонне образованным интеллектуалом, лингвистом и этнографом, философом и психологом, историком, писателем и оратором; при этом скромным тружеником и вдумчивым чутким иноязычным соавтором [4, с. 18]. Последнее качество особенно важно для переводчиков, занимающихся переводом художественных произведений, ибо когда знаменитый грузинский поэт Симон Чиковани увидел свое стихотворение в переводе на русский язык, он обратился к переводчикам с просьбой: «Прошу, чтобы меня не переводили совсем». Поэтому согласимся, вслед за Н. Л. Трауберг, что «главное в переводе – сделать так, чтобы воздействие твоего текста было равно воздействию оригинала» [5].

Итак, как уже было отмечено выше, в процессе перевода происходит познание культуры, менталитета, национального характера и образа жизни другого народа через его язык. Далее проиллюстрируем этот вывод на примерах.

По мнению лингвистов, в каждом языке отражается определенная система взглядов на мир, причем все носители данного языка разделяют эти взгляды и соответствующим образом воспринимают окружающую действительность. Такая система складывается в своеобразную картину мира, которая описывает его устройство, время, пространство, место человека в этом мире и взаимодействие между собой.

Интересный пример взаимодействия людей в рамках одной культуры приводит Максим Кронгауз [6, с. 242-244]. В московском магазине покупатель вступает в коммуникацию с продавцом. Без лишних слов он называет необходимый товар, в лучшем случае

добавляя вежливое «пожалуйста», и оба реализуют свою функцию, минуя взаимное приветствие. Представить подобную ситуацию в европейском магазине навряд ли невозможно, но для русского этикета лет 40 назад это считалось нормой. Более того, знакомая автора, вернувшись в то время в Москву из-за границы, попыталась научить своих соотечественников вежливости: начала здороваться в магазинах. Однако ее старания воспринимались либо как странность, либо как издевательство над остальными – попытка не удалась. В такого рода примерах трудно не согласиться с С. Г. Тер-Минасовой, что диалог культур – это по сути политкорректное название для конфликта культур [9, с. 15].

Другая ситуация, когда несовпадение этикетных формул не привело к конфликту, однако вызвало неловкость одной из сторон коммуникации, произошла в белорусской организации несколько лет назад. На предприятии были организованы корпоративные занятия с носителем английского языка. Желая отблагодарить редкого преподавателя за старания, работники устроили чаепитие и пригласили англичанина к столу. «*Eat it, please...*» – вежливо произнес один из обучаемых и очень смутился, когда молодой человек из Англии неожиданно рассмеялся. «У нас так только собак подзывают», – объяснил он, и предложил в следующий раз обратиться со словами *Help yourself*.

Конечно, за последние годы произошел значительный сдвиг речевого этикета нашей культуры в сторону европейского, и эти изменения распространяются не только на корпоративный этикет, но и на обычные встречи незнакомых людей (у подъезда, в лифте и т.п.). Но и сейчас на собственном опыте мы можем наблюдать, что открытость (отсюда и вежливость) жителей белорусской столицы намного превосходит желание вступить в минимальную коммуникацию (даже с формальной вежливостью) жителей глубинки.

Проследим на примере приветствий, как складывалась языковая картина мира в разных культурах. Согласно исследованиям И. И. Богатыревой [7], в славянской картине мира самым важным считалось здоровье (*Было бы здоровье, остальное приложится*), в сознании англичан одно из центральных мест занимала работа, а у

евреев и арабов самым главным представлялся мир. Иллюстрируют это следующие примеры. В некоторых славянских языках приветствие связано с пожеланием здоровья: *Здравствуйте!* (рус.); *Здорові були!* (укр.); *Здравейте!* (болг.); *Здраво!* (макед., серб.). В английском языке приветствие *How do you do?* буквально означает *Как ты делаешь?* В итальянском выражение *Come sta?* дословно переводится *Как стоишь?* У французов за словами приветствия *Comment ça va?* скрыто значение *Как это идёт?* Евреи приветствуют друг друга словом *Shalom* – буквально это означает пожелание мира. Аналогично желают всем мира и представители многих мусульманских народов, говоря друг другу *Salaam alei-kun!* (арабск.) или *Salaam aleihum* (азерб.) и др. А древние греки в приветствии *Haire* желали друг другу радости.

Кстати, говоря о чувствах, хочется затронуть еще одну характеристику – эмоциональные концепты, которые в разных картинах мира воспринимаются неодинаково. Возьмем простое предложение на английском: *I'm happy you came home early today*. На итальянском можно услышать такой перевод: *Sono felice che tu sia tornato a casa presto oggi*, на французском – *Je suis heureux que tu sois rentré tôt aujourd'hui*, на испанском – *Estoy feliz de que hayas llegado a casa temprano hoy*. Однако на русском, если контекст не предоставляет нам повода ощутить невероятные переживания, эта фраза будет звучать следующим образом: *Я рад, что сегодня ты рано пришел домой*.

А. Вежицкая проводила сравнение прилагательного *happy*, одного из самых употребительных слов американского стандарта, с польским буквальным переводом *szczęśliwy*, и обобщая вывод для других славянских языков, предположила, что эти слова не являются точными эквивалентами. То есть расхождения между русскими словами *счастлив*, *счастье* и, например, английскими *happy*, *happiness* столь велики, что их эквивалентность вообще вызывает сомнение. По мнению сторонников теории «базовых эмоций», слова *happy*, *happiness* являются «повседневными словами» в английском языке, чего о русских словах *счастлив*, *счастье* ни в коей мере не скажешь. Из этого можно сделать вывод, что в языках и культурах

настолько прочно укоренилась семантическая несовместимость, что иногда делает общение невозможным [8, с. 340].

К препятствиям в общении можно также отнести такую проблему, как нераспознанные «ложные друзья» переводчика – слова, которые могут как частично совпадать по семантике (англ. *film* – это не только *фильм*, но и *пленка*), так и иметь совершенно противоположное значение слова (польск. *uroda* – *красота*, а созвучное ему русское *уродливый* означает *очень некрасивый*). Согласно Л. И. Сапоговой, около 30% интернационализмов (включая 8% буквального перевода, искажающего смысл, и 22% перевода с подбором русских параллелей, нарушающих стилистические требования) формируют корпус ложных друзей переводчика [10, с. 48]. Поскольку ассоциативная связь при переводе интернациональных слов возникает сразу, переводчику надо быть начеку, чтобы не среагировать на ассоциацию и не исказить смысл речи представителя другой культуры.

Нельзя не отметить и социальную функцию перевода, которая также требует от переводчика знакомства с иной культурой. Для наглядности приведем пример [12, с. 24], раскрывающий проблему адаптации американского сериала «Закон и порядок» (1990 г.) для русского зрителя. В одной из серий главные герои неожиданно узнают, что ребенок был усыновлен с нарушениями. Несмотря на срок давности нарушения (ребенку уже 12 лет, и он даже не подозревает о своем происхождении), следователи забирают его в детский дом, говоря: «Закон есть закон». Отношение к такому поступку американского и русского зрителя кардинально отличается, и положительными героями в нашей культуре такие следователи не стали бы.

Еще несколько примеров [13, с. 144] перевода кинотекста в свете концепции культурного переноса можно привести на основе фрагментов фильма «Мой лучший друг» (2007 г.).

Французская пословица, прозвучавшая в речи собеседника «*La bonne humeur c'est le début du bonheur*» (досл. *Хорошее настроение – начало успеха*), передана на русский язык хорошо известной цитатой из «Бременских музыкантов»: «*Смех и радость мы приносим людям*».

В русской культуре данный сюжет содержит культурнозначимую информацию, и поэтому такой перевод в контексте диалога между друзьями вполне может быть оправдан.

Другой пример из этого же источника. Один из героев рассказывает: *«Et il suivait les jeux à la radio et à la télé. Y'en a, leurs idoles, c'est les chanteurs, lui, c'était Max Favaelli, Maitre Capello»*. Маловероятно, чтобы имена французских чемпионов интеллектуальных игр были известны обычному русскому зрителю. Поэтому при переводе был использован прием генерализации, обобщающий имена собственные в одну группу знатоки: *«Он следил за всеми теле- и радиовикторинами. Обычно (дети) без ума от певцов. А его кумирами были знаменитые знатоки»*.

И еще один пример, в котором переводчик заменяет в диалоге героев название недорогого мебельного магазина “M. Meuble” на популярную среди русского населения марку “Икея”. Замена проведена с целью разъяснения ситуации общения русскому зрителю. В разговоре один из героев извиняется за причиненный ущерб товару этой марки, но его собеседник реагирует на французском фразой *«Elle ne vaut pas un pet de lapin»* (что означает: *это ничего не стоит, это барахло*). И снова в переводе вводится культурно-значимый элемент через русскоязычный аналог *гроша ломаного не стоит*.

Совершенно очевидно, что каждый язык обладает национально специфическими признаками, которые определяют систему ценностей, нормы поведения, отношение к людям, в частности, и к миру в целом. По мнению Макса Блэка, фактором, определяющим универсальность и специфику конкретной национальной языковой картины мира, является мир, запечатленный в метафорах и символах: *«скрытое сравнение, заложенное в метафоре, подмечает специфические черты национального быта, духа, условий жизни, трудовых навыков того или иного народа»* [11, с. 157]. Мы также отнесли бы к числу таких факторов фразеологизмы, пословицы и поговорки, поскольку они не в меньшей степени наглядно иллюстрируют образ жизни, историю и традиции культуры, отражают национальный характер и менталитет нации.

Небольшое лингвистическое исследование было проведено в группе китайских студентов. Проанализировав десятки фразеологических единиц в русском и китайском языках, мы обратили внимание на то, что в ряде случаев фразеологизмы совпадали по смыслу и имели буквальный перевод: *водить за нос* (牵着鼻子走) – про человека обманывающего, не выполняющего обещания, с одной стороны, и про того, кто слепо ему доверяет, с другой стороны; *ящик Пандоры* (潘多拉魔盒) – то, что по неосторожности может послужить источником бедствий. В отдельную группу вошли фразеологизмы, у которых одно и то же значение выражалось разными лексическими единицами: *делать из мухи слона* (小题大做 – описывать небольшие темы большими статьями), *зарубить себе на носу* (刻骨铭心 – выгравировать на костях и глубоко в сердце), *волосы дыбом* (毛骨悚然 – озноб по спине), *игра не стоит свеч* (明珠弹雀 – бить воробьев жемчугом), *метать бисер перед свиньями* (对牛弹琴 – играть музыку перед коровой).

Аналогичные сравнения можно привести и в европейских языках. Например, в итальянском языке поговорка *Prendere due piccioni con una fava* (Убить двух голубей одним бобом), в английском *To kill two birds with one stone* (Убить двух птиц одним камнем) или во французском *Abattre deux mouches d'un coup de savate* (Убить двух мух одним взмахом) – все эти выражения имеют один и тот же смысл и переводятся одинаково: *Убить двух зайцев одним выстрелом*. Любопытно, что в некоторых случаях можно проследить даже особенности природного ландшафта, характерный для культуры растительный или животный мир. К примеру, русскому изречению *Когда рак на горе свистнет* соответствует английское *Когда свиньи полетят*, а в киргизском языке аналогом будет – *Когда хвост ишака коснется земли*.

Помимо различий социокультурной среды и национально-специфических признаков языка в культуре, необходимо также

отметить своеобразие восприятия некоторых универсалий. Например, концепты различных цветов, которые в физике имеют строго определенную длину волны, не совсем эквивалентны в разных языках. По мнению А. Вежбицкой, при изучении языков мира нельзя оперировать понятием «цветовых универсалий», так как категория «цвет» сама по себе не универсальна. Можно говорить лишь об «универсалиях зрительного восприятия» [14, с. 232]. Универсальным или близким к этому является представление о времени, когда человек видит (днем) и не видит (ночью), иными словами, что человек видит при солнечном свете или в темноте.

Действительно, семицветный спектр радуги, определенный Исааком Ньютоном, в английском и русском языке распределяется по-разному. Знакомое русскоязычному носителю выражение «Каждый Охотник Желает Знать, Где Сидят Фазаны» позволяет запомнить базовые оттенки спектра в таком виде: К – красный, О – оранжевый, Ж – желтый, З – зеленый, Г – голубой, С – синий, Ф – фиолетовый. В англоязычной культуре цвета различаются в аналогичной фразе «Richard Of York Gave Battle In Vain» («Ричард Йоркский сражался напрасно») несколько иным образом: Red – красный, Orange – оранжевый, Yellow – желтый, Green – зеленый, Blue – голубой, Indigo – индиго, Violet – фиолетовый. В этом примере цвет blue условно назван голубым, хотя, как известно, на русский язык оно может переводиться и синим, в зависимости от ситуации. Подобные примеры можно привести и с другими языками: в венгерском языке различают разные оттенки красного *voros* и *piros*, в польском существуют оттенки синего *niebieski* и *granatowy*, отличающиеся от русских, японское слово *aoi* имеет гораздо больший диапазон, чем английское *blue* [14, с. 236].

Пожалуй, нельзя назвать универсальным и представление о времени. Если в русском языке время можно тратить, беречь и экономить, то у некоторых народов ко времени относятся иначе. В. А. Плунгян отмечает, что время у них не течет, а двигается по кругу, подобно смене разных пор года, а если даже и течет, то вовсе не спереди назад, а сзади наперед, так что будущее в таких языках находится «сзади нас» [15, с. 197]. Мы говорим *Все будет хорошо*, у

тебя все впереди, или Не переживай, все испытания уже позади, а в китайском понимании, например, эта фраза не будет иметь смысла.

В заключение можно отметить, что в рамках одной культуры все носители языка разделяют определенную систему взглядов на мир и одинаково воспринимают окружающую действительность. Процесс перевода, подчеркивает Н. С. Автономова, включает «преодоление языковых, культурных, социальных границ путем «передачи содержаний и смыслов, созданных в одном языке и культуре, средствами другого языка и культуры» [16, с. 15]. Чтобы состоялась успешная коммуникация, переводчику недостаточно умелого владения родным и иностранным языком. Знание этикета, правил поведения, ценностей, быта и праздников, менталитета и национального характера имеет не меньшую важность для перевода в контексте межкультурного диалога.

Преодолевая интерференцию различных языков и культур, переводчик содействует установлению успешного диалога между людьми разных взглядов на мир, перекидывает мостик взаимопонимания между народами и государствами.

Список использованной литературы

1. Carol E. Fixman. The Foreign Language Needs of US-based Corporations. Occasional Papers (NFLC at Johns Hopkins University, Washington, 1989).
2. Миронов В. В. Философия и метаморфозы культуры. – М.: Современные тетради, 2005. – 424 с.
3. Галь Н. Слово живое и мертвое. – М.: Время, 2016. – 592 с.
4. Гарбовский Н. К. Теория перевода: Учебник. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007. – 544 с.
5. Трауберг Н. Л. Времена и нравы / Неприкосновенный запас. – М.: НЛО, №4, 1999. – 161 с.
6. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва – М.: АСТ: CORPUS, 2019. – 512 с.
7. Богатырева И. И. Языковая картина мира / Русская словесность. – М.: Шк. пресса, №2, 2010. – С. 71-74.
8. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
9. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур. – М.: Слово, 2008. – 344 с.

-
10. Сапогова Л. И. Переводческое преобразование текста: учеб. пособие – М.: Флинта: Наука, 2009. – 320 с.
 11. Блэк М. Метафора // Теория метафоры. – М., 1990. – С. 153-172.
 12. Рыбин П. В. Теория перевода. Курс лекций для студентов IV курса. – М.: 2007. – 263 с.
 13. Федорова И. К. Перевод кинотекста в свете концепции культурного переноса: проблема переводческой адаптации. – Челябинск: Вестник ЧелГУ, №43, 2009. – С. 142-149.
 14. Вежицкая А. Семантические универсалии и описание языков. – М.: Языки русской культуры, 1999. – I-XII, – 780 с.
 15. Плунгян В. А. Почему языки такие разные. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2015. – 272 с.
 16. Автономова Н. С. Познание и перевод. Опыты философии языка. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2008. – 704 с.